

Прошло семь или восемь дней. Ян Е ежедневно ухаживал за Бэйчэнь Цинем, меняя врачей одного за другим, но болезнь не отступала. Дни таяли, дыхание раненого становилось все слабее, почти неощутимым. Сколько бы Ян Е ни взывал к нему, какие бы отчаянные слова ни шептал, тот больше ни разу не открыл глаз, чтобы подарить ему хотя бы взгляд.

В одну из ночей, когда измученного, осунувшегося Ян Е насилу вытащили из спальни больного, тот сорвался. Ма Тяньхуа едва удерживал его, пока Ян Е в слепой ярости осыпал проклятиями Цзин Хуайюя, Цэнь Цзиня и Цэнь Вэньцзяна. Он метался по двору, с корнем вырывал цветы и крушил все, что подворачивалось под руку. Лин Шу, сидевший в тени галереи, молча наблюдал за этим безумием. Наконец он поднялся, стальным хватом взял беснующегося князя за шиворот и утащил в гостевые покои.

— Считаешь, что я позорюсь? — Ян Е зло зыркнул на него.

— Вовсе нет, — отозвался Лин Шу. — Бэйчэнь Цин при смерти, а ты устраиваешь этот балаган прямо под его окнами. Что, если он придет в себя и услышит твои вопли?

Ян Е осекся. Рухнув на невысокое ложе, он обхватил голову руками и глухо, надрывно зарыдал:

— Если бы он действительно мог очнуться!.. Лин Шу, ведь Юньци губит мой брат-император! Это он вместе с Цзин Хуайюем сживает его со света! С чего они взяли, что могут так безнаказанно изводить его подозрениями? Как Юньци вообще мог вынести подобное унижение?

Лин Шу лишь коротко и безучастно хмыкнул:

— Твой державный брат ведь так мудр и милосерден. С чего бы ему губить невинных?

От этой шпильки Ян Е вскипел. Он рванулся вперед, повалил Лин Шу на ложе и принялся исступленно, грубо целовать, кусая зацелованные губы.

— Нарочно меня злишь?! — выдохнул он в ярости.

Казалось, только зажав Лин Шу в тисках объятий, он мог унять ледяную панику, сжимавшую сердце. Лин Шу не сопротивлялся, позволяя ему бесноваться, пока тот не выдохся. Чуть успокоившись, Ян Е снова заговорил, с трудом сдерживая клочкотавший в груди гнев:

— Тебе обязательно язвить именно сейчас? Да, пускай мой брат не сахар, пускай он беспощаден ко всему миру, но ко мне он всегда был добр! И как мне теперь быть? Что прикажешь делать?!

— Сейчас он к тебе добр, — ровным голосом ответил Лин Шу. — Но вспомни древнюю мудрость: «Загнан хитрый заяц — верный пес идет в котел». Когда его трон укрепится, а в

Поднебесной воцарится покой, кто поручится, что он не избавится от тебя? Предупреждаю: раз снаружи полно людей твоего брата, о каждом нашем шаге тут же доносят в столицу. Скорее всего, император уже в курсе твоего приезда. Или, что еще вероятнее, он изначально знал, что Ма Тяньбао явится к тебе, и намеренно расставил сети. Тебе нельзя здесь оставаться.

— Я все понимаю! — в отчаянии воскликнул Ян Е. — Но Юньци угасает на глазах, он может умереть в любой момент! Как я могу бросить его и сбежать? Он до сих пор бредит Нинсином, а тот в Чанъани, и мы даже не знаем, жив ли малыш... У меня сердце на части рвется, хоть головой об стену бейся!

Лин Шу молча разглядывал его искаженное горем и отчаянием лицо, но все же мягко отстранил от себя и глухо произнес:

— Ян Е, это ваши дела. Мое сочувствие здесь ничем не поможет.

Ян Е и сам понимал, что изливать душу Лин Шу бесполезно. Но это абсолютное спокойствие, этот холодный, безучастный взгляд внезапно довели его до белого каления.

— Значит, мне даже поделиться с тобой нельзя?! — рявкнул он, хватая Лин Шу за плечи и принимаясь неистово трясти. — Мне душу наизнанку выворачивает, а тебе сложно сказать хоть слово в утешение? Сложно приласкать, обнять меня? Проявить хоть каплю тепла? Чертов сухарь, живой труп! Если и дальше собираешься оставаться ко всему равнодушным, убирайся к чертям!

— Сумасшедший, — процедил Лин Шу.

Он попытался оттолкнуть его, но Ян Е был намного сильнее. Несколько мгновений они яростно боролись, как вдруг Лин Шу замер и резко крикнул:

— Ян Е, стой! Что-то не так!

— Что там еще? — буркнул Ян Е, но, заметив, как посерьезнел Лин Шу, тоже прислушался. В ночной тишине слышались подозрительные звуки. Ян Е рывком поднял Лин Шу на ноги. В ту же секунду в дверь яростно, взхлеб заколотили. Дверь едва не слетела с петель, а снаружи донесся дрожащий, сорванный голос Ма Тяньбао:

— Ваше Высочество! Князь! Юньци очнулся!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Ян Е так и подскочил на месте, готовый сломя голову броситься к выходу, но Лин Шу крепко перехватил его за руку:

— Ян Е, сюда идет целая толпа! Нам нужно немедленно уходить!

— Я никуда не пойду! — огрызнулся Ян Е, вырываясь. — Юньци только что пришел в себя, я должен быть рядом!

— А если это люди из столицы, присланные арестовать тебя? — нахмурился Лин Шу.

— Пусть только попробуют! Если хочешь — беги сам. Раз тебе плевать на мою жизнь, катись куда глаза глядят!

Ян Е даже не оглянулся и вихрем вылетел наружу. Лин Шу злобно стиснул зубы, но у него не оставалось выбора, кроме как броситься следом за этим упрямым.

Ворвавшись в комнату вслед за Ма Тяньбао, Ян Е кинулся к постели. Глаза Бэйчэнь Цина действительно были приоткрыты, но взгляд оставался мутным, остекленевшим, устремленным в никуда. Ян Е бережно сжал его холодные пальцы:

— Юньци, ты очнулся? Слава небу... Я столько дней молил об этом, я едва с ума не сошел!

Спустя бесконечно долгую паузу послышался едва различимый, бессильный вздох Бэйчэнь Цина:

— Сяо Лан... Нинсинь... он еще жив? В Чанъани...

Этот первый вопрос заставил Ян Е онеметь. Горло сдавило сухим спазмом, слезы душили его. С трудом сглотнув вставший ком, он тихо выдавил:

— Плохих вестей не было. Должно быть, он жив.

Бэйчэнь Цин слабо сфокусировал на нем взгляд, и в глубине его зрачков забрезжил призрачный огонек надежды:

— Если он жив... сбереги его для меня. Забери к себе.

Ян Е лихорадочно закивал. Уголки губ Бэйчэнь Цина дрогнули в едва заметной, слабой улыбке. Он попытался приподнять руку, чтобы коснуться волос Ян Е, но она безвольно упала обратно на простыни.

— Похорони меня... на болотах Юньмэн, — прошелестел он. — Кажется... там была моя родина.

Ян Е снова поспешно закивал, но тут же испугался собственного согласия и торопливо зашептал:

— Не смей так говорить! Слышишь? Не говори о смерти... Я не желаю этого слушать, не хочу!

Но в ответ долетел лишь призрачный вздох, полный бесконечного, неизбывного сожаления. И наступила тишина.

За окном стояла глухая, непроглядная ночь. Ветер глухо завывал в верхушках тополей, со свистом обрывая листву, будто сонмы призраков хлопали в ладоши, празднуя победу. Со всех сторон к дому стягивались тихие, вкрадчивые шаги — они накатывали медленно и неотвратно, подобно приливу, готовому поглотить все на своем пути. Ян Е прижал к лицу холодеющую руку Бэйчэнь Цина и бессильно разрыдался, захлебываясь горем, для которого не было слов.

Ранние утренние лучи заструились сквозь щели в ставнях, расчертив полумрак тонкими золотистыми полосами. Ян Е повернул голову к окну и глухо обронил:

— Ма Тяньбао, отвори двери. Дай вздохнуть. До смерти душно здесь, черт побери...

Стоило Ма Тяньбао распахнуть створки, как в комнату ворвался прохладный утренний свет. За порогом расстился город Яньчжоу, окутанный сизой дымкой тумана, который лениво таял под первыми лучами восходящего солнца.

Двор был заполнен вооруженными гвардейцами Ян Си, застывшими безмолвной стеной. При виде хозяина Вэй Линьсянь и Бай Тинби, возглавлявшие отряд, опустились на колени прямо в дорожную пыль. Ян Е медленно переступил порог, смерил их презрительным взглядом и процедил, обращаясь к первому:

— Какого черта ты разлегся передо мной, верный пес своего господина? Чего тебе надобно?

— Нижайший слуга приветствует Ваше Высочество князя Хуая, — почтительно отозвался Вэй Линьсянь, склоняя голову. — Я прибыл с высочайшим указом: сопроводить Ваше Высочество и генерала Бэйчэня в столицу.

— Я никуда не поеду, — отрезал Ян Е. — Я забираю Юньци с собой. Перед смертью он просил похоронить его на болотах Юньмэн, и я дал ему слово.

— Ваше Высочество, — взмолился Вэй Линьсянь. — Его Величество в столице томится в ожидании, мечтая вернуть вас и генерала Бэйчэня. В последнее время государь был полностью поглощен подавлением мятежа в Чанъани и упустил из виду положение генерала Бэйчэня, из-за чего поползли ложные слухи, породившие столько тяжелых недоразумений. Узнав истину, Его Величество глубоко раскаялся и лично направил меня встретить вас. Не поддавайтесь гневу, прошу, возвращайтесь со мной.

Ян Е злобно, ядовито рассмеялся:

— И кого твой повелитель велел привезти — живого или мертвого? Живого Бэйчэнь Цина больше нет, остался лишь труп. Нужен ли ему мертвец?

Вэй Линьсяню нечего было ответить. Он лишь молча отер рукавом хлынувшие слезы и принялся испуганно бить поклоны, разбивая лоб о землю:

— Умоляю, Ваше Высочество, вернитесь в столицу. Пожалейте своего слугу...

Ян Е внезапно взорвался:

— Вэй Линьсянь! С каких пор ты смеешь помыкать мной?! Пошел прочь! Даже приличный пес уступает дорогу, а ты, выходит, глупее собаки?!

Вэй Линьсянь, не поднимая головы, глухо произнес:

— Если Ваше Высочество откажется возвращаться, я все равно обречен. Уж лучше казните меня прямо здесь, на этом самом месте!

Ян Е разразился безумным, диким хохотом:

— Великолепно! Одной смерти мало для веселья, пусть вас подохнет побольше! Вы ведь выросли вместе с Юньци, так отправляйтесь за ним на тот свет, составите ему компанию!

С этими словами он бросился обратно в дом, лихорадочно ища взглядом саблю.

Вэй Линьсянь не смел шелохнуться, но незаметно подал знак остальным гвардейцам. В ту же секунду Бай Тинби бросился вперед и мертвой хваткой обвил шею Ян Е сзади:

— Ваше Высочество, неужели вы действительно поднимете на нас руку? Сяо Бай до смерти боится умирать!

— Раз боишься, живо отпусти меня и убирайся обратно в Лоян! — взревел Ян Е.

Вэй Линьсянь подполз ближе и намертво вцепился ему в ноги:

— Без вас, Ваше Высочество, в столице нас все равно ждет плаха!

Пока Ян Е пытался вырваться из их тисков, его сознание на миг помутилось. В следующее мгновение по рукам и ногам разлилась парализующая слабость — они улучили момент и обездвижили его, перекрыв меридианы.

Его и без того истерзанный разум захлестнула слепая ярость:

— Вы с ума сошли! Как вы смеете вязать меня?! Живо отпустите! Лин Шу! Лин Шу, спаси меня! Мне нужно вытащить Нинсиня, мне нельзя в Лоян!

«Где Лин Шу? Почему его не видно? Неужели этот ублюдок все-таки сбежал?!»

Ян Е побоялся спрашивать вслух, но сердце испуганно зашлось в груди. Душу вновь сковал удушливый страх. Внезапно к горлу подступила горячая, солоноватая кровь. Тонкая алая струйка скользнула по подбородку. В глазах поплыли черные круги, и мир вокруг растворился в беспросветной мгле. Последним, что он услышал, погружаясь в небытие, был полный ужаса крик Сяо Бая:

— Ваше Высочество! Помогите, что с ним?!

Прийдя в себя, он ощутил покачивание и услышал мерный скрип колес. Его везли в повозке. Ян Е долго лежал в полузабытии, пытаясь сообразить, где находится. Стоило ему шевельнуть руками, как раздался негромкий металлический звон. Пораженный, он поднял запястья перед лицом: их стягивали тяжелые кандалы. На лодыжках обнаружились такие же оковы. Впрочем, кто-то заботливо обернул грубое железо мягкой хлопковой тканью, чтобы металл не царапал кожу.

— Эй! — хрипло позвал он.

В ту же секунду в повозку, спотыкаясь на ходу, ворвался Бай Тинби.

— Ваше Высочество, вы очнулись! — засуетился он. — Желаете поесть? Попить? Позвольте, я сейчас принесу!

Ян Е попробовал призвать внутреннюю силу, но в теле не отозвалось ни капли нэйли. Бай Тинби, испуганно ловя выражение его лица, поспешно залепетал:

— Ваше Высочество... Вчера Вэй Линьсянь, пока вы спали, напоил вас Порошком рассеивания силы. Месяц, максимум два, и ваша мощь полностью вернется! Вреда здоровью не будет, уверяю вас, не переживайте.

Ян Е мрачно усмехнулся, разглядывая цепи на запястьях.

— Стало быть, теперь я колодник? — глухо произнес он. — А вы, верная стража, конвоируете меня в столицу. Зачем преступнику еда да вода? Киньте мне объедки со своего стола, этого вполне достаточно.

Бай Тинби прильнул к нему, со слезами утыкаясь в плечо и мгновенно промочив одежду:

— Ваше Высочество, пощадите! Что нам оставалось делать? Если с вами случится беда, Сяо Бай тоже не жилец на этом свете!

Ян Е посмотрел на его заплаканное лицо. Тяжелая тоска сдавила грудь. Он бережно стер слезы с щек юноши и тихо спросил:

— Где Юньци?

— Гроб с телом Юньци везут впереди, — прошептал Бай Тинби.

— Подними полог, — попросил Ян Е. — Дай взглянуть на него.

Бай Тинби послушно закрепил тяжелую штору. Впереди, окруженный плотным кольцом стражи, медленно двигался огромный траурный гроб. На ветру яростно хлопали полотнища стягов призыва душ. Идущие впереди солдаты горстями швыряли в воздух бумажные деньги, откупаясь от бродячих призраков.

При виде этой похоронной белизны сердце Ян Е вновь пронзила острая боль.

— Он просил меня... перед смертью просил похоронить его на болотах Юньмэн! — задыхаясь от слез, прошептал он. — Сяо Бай, мы ведь столько лет знаем друг друга, помоги мне...

— Молчите, Ваше Высочество, умоляю, замолчите! — Бай Тинби в панике зажал ему рот ладонью. — Сяо Бай все равно не сможет вам помочь! Пожалейте меня, не берите грех на душу!

Ян Е осторожно отвел его ладонь. Оглядевшись, он понял, что среди конвоиров нет двух его верных телохранителей — Чжунли Чжэня и Нянь Вэя. Должно быть, Ян Си предвидел это и намеренно оставил их в столице, боясь, что преданные слуги устроят побег. Идти было некуда, просить некого. Ян Е горько, обреченно усмехнулся:

— Хорошо, я буду молчать. Везите меня в Лоян. Ради великого покоя империи Да Янь я безропотно приму любую участь. Только не заставляй меня сидеть в этой душной клетке. Позволь идти пешком.

Бай Тинби уступил и бережно помог ему сойти на землю. Гремя кандалами, Ян Е поплелся рядом с повозкой.

— «Печальная песнь заменит плач, взгляд вдаль заменит возвращение домой»... — негромко продекламировал он. — Споем, Сяо Бай? Нам, взрослым мужчинам, негоже всю дорогу выть

как бабы. Это позор.

— Ваше Высочество, — тихо взмолился Бай Тинби, — вы ведь поете, прямо скажем, скверно. Лучше не надо.

Ян Е хмуро зыркнул на него:

— А я все равно буду! Я пою для Юньци, он-то меня судить не станет. Кому не нравится — пусть зажмет уши.

И он затянул, срывая голос:

— Настала осень на границе, увяли дикие луга,
Трубят рожок в степи унылой, и сабли точат на врага.
Пылают пламя на заставах, отчизну трудно уберечь,
И видит дом в краю далеком скиталец под прицелом сеч.

Сгустились тучи над полями, ревет холодный ураган,
Упали звезды во вселенной, и свет дневной навек угас.
Куда летит душа героя, покинув бранный мир земной?
Простимся молча, без упреков, пред этой бездной ледяной...

Надтреснутый, сиплый голос далеко разносился над бескрайней равниной. Бывшие гвардейцы поместья князя Чжао стыдливо опускали головы, а старые солдаты, некогда сражавшиеся под знаменами усопшего генерала, тихо утирали слезы грязными рукавами. Понурая процессия медленно тянулась по дороге.

Спустя месяц они достигли ворот Лояна.

<http://bllate.org/book/19546/1998893>